

ББК 63.3(2)41 УДК 94(367)

Н. А. Ганина

ТАЙНЫ РЮГЕНСКИХ СЛАВЯН

Приход славян на Рюген. По заключению археологов, славяне пришли на Рюген не позднее конца VI в. н. э. Выход западных славян к Балтике в эпоху Великого переселения народов представлял собой закономерный процесс, являясь своего рода встречным потоком после передвижений целого ряда восточногерманских племен из Поморья на юг. Полабские славяне археологически засвидетельствованы между Эльбой и Аллером (Люнебургская пустошь) уже в раннем Средневековье. Поскольку еще в римскую эпоху Нижняя Саксония, Поморье и устье Вислы не были славянскими, можно сделать вывод, что славяне шли на северо-восток с юго-запада, в целом — на север с юга. Это вполне соотносится с идеей О. Н. Трубочева о дунайской прародине славян, об их древнем местоположении на Среднем Дунае и последующем расселении именно из этой области¹. При этом важно, что Иордан (вторая половина VI в.) знает Вислу как реку, к западу от которой обитают германцы [*Get.* 32]², тогда как венеты (которые, по Иордану, «преимущественно называются склавенами и антами»), то есть славяне, живут на «безмерных пространствах» начиная от верховий Вислы [*Get.* 34]. Устье Вислы, откуда в первые века н. э. ушли восточные германцы — готы и гепиды, во времена Иордана населяли некие «видиварии, собравшиеся из различных племен» [*Get.* 36]³. С конца VI в. эта «промежуточная» ситуация изменилась, и эти земли отошли к крупному племенному союзу полабских славян.

Дославянское население. Древнейшим населением Рюгена (около 600 г. до н. э.) были носители ясторфской культуры. Этническая принадлежность этой северо-

¹ Трубочев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.

² Здесь и далее цит. по: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / Пер. и комментарий Е. Ч. Скржинской. СПб., 1997.

³ Обозначение следует сопоставить с о/г *wīd- 'обширный, просторный' (ср.: ди. wīd, да., дфриз. wīd, дс. wīd, двн. wīt) + *wara(n)- 'житель', причем первый компонент допускает и другие соотношения: о/г *wīd- 'против, при'; о/г *wīdu- 'дерево, лес'.

центральноевропейской группы условно определяется как догерманская или протогерманская. В начале I в. н. э. Рюген был заселен восточными германцами, по археологической культуре очень похожими на готов (густовская группа памятников)⁴. Есть все основания полагать, что это было восточногерманское племя ругов, давшее название острову: Rügen < *Rugim '(y) ругов' (дат. п. мн. ч.). Руги вышли из Скандинавии, из «земли ругов» — норвежского Рогаланда — еще до готов, закрепились в устье Вислы, на рубеже тысячелетий были потеснены готами в устье Одера (нынешний остров Уседом) и постепенно распространились до Рюгена. В раннесредневековой традиции руги называются «островными ругами»: это «ульмеруги» Иордана [*Get.* 26] и Holmrygum (дательный падеж, множественное число) в древнеанглийской поэме «Видсид». Занятие Рюгена ругами не привело к установлению каких-либо границ на острове, по-видимому, покинутом потомками населения бронзового века⁵. Период заселения Рюгена и соседнего острова Хиддензее отразился в древнегерманской культуре благодаря преданию о битве Хьяднинггов (др.-исл. Hjadningavíg) — родовой распри между правителем Рюгена Хагеном и вождем соседнего племени гломмов Хедином, похитившим дочь Хагена — Хильд. В 30-е гг. V в. руги переселились в Паннонию, на Балканы и в северную Нижнюю Австрию (Норик). Около 430 г. в Нижней Австрии возникла «страна ругов» — Rugiland. Этот топоним буквально воспроизводит старое название скандинавской прародины ругов — Rogaland, но в восточногерманской огласовке.

Приход славян на Рюген не нарушил преемственности островной традиции. Более того, первые столетия славянского заселения принесли в Мекленбург и Поморье важные хозяйственные достижения: возделывание ржи, широкое использование железного сырья, развитое скотоводство⁶. Каким был в это время Рюген — вопрос, не допускающий однозначного ответа. Ранее считалось, что после ухода ругов остров опустел. Однако последние анализы пыльцы свидетельствуют о том, что заселение острова в эту эпоху было непрерывным⁷.

Рюгенские славяне — «ругины» — впервые упоминаются в источниках VII в. в связи с попытками англосаксонских миссионеров распространить христианство в североморско-балтийском регионе⁸. Некоторые исследователи считали ругинов норвежскими ругами⁹. Однако перед приходом славян на Рюгене жили не непосредственные переселенцы из норвежского Рогаланда, а их дальние потомки — восточногерманские руги, попавшие в культурную орбиту готов. В VII в. славяне уже заселили Рюген. Следовательно, при обсуждении проблемы этнической принадлежности ругинов VII в. возникает вопрос лишь о том, оставались ли к этому времени на острове потомки ругов и могли ли они сосуществовать с новыми пришельцами — славянами. Заключение археологов о непрерывности заселения Рюгена позволяют дать положительный ответ на оба эти вопроса.

⁴ Шукин М. Б. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. С. 47–57.

⁵ Шукин М. Б. Готский путь... С. 56.

⁶ Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 340–341.

⁷ Schmidt I. Götter, Mythen und Bräuche von der Insel Rügen. Rostock, 2002. S. 30.

⁸ Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне. С. 338.

⁹ Обзор дискуссии см.: Herrmann J. Arkona auf Rügen — Tempelburg und politisches Zentrum der Ranen vom 9. bis 12. Jahrhundert. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen 1969–1971 // Zeitschrift für Archäologie. 1974. Bd 8. S. 177–209.

Отношение к древнейшим сакральным объектам. Рюген исключительно богат мегалитами. Возможно, в древности так было и в других балтийских и североморских областях; например, во Фрисландии тоже существовало множество мегалитов, еще в Средние века использованных для постройки церквей и домов. Но в настоящее время на Рюгене отмечается наибольшее число и плотность мегалитических гробниц по сравнению с другими территориями Северной Германии, что указывает как на особое культовое значение, так и на «реликтовость», заповедность острова. Еще в 1829 г. на Рюгене насчитывалось 236 мегалитов (карта Фридриха фон Хагена)¹⁰. Сейчас из них сохранилось всего 55, но для сравнительно небольшой площади острова это количество очень велико. Неолитические памятники разбирались для использования камней в фундаментах домов, для сооружения изгородей в полях или оград кладбищ. В XIX в. многие мегалиты пали жертвой дорожного строительства.

Рюгенские каменные гробницы относятся к неолиту — между 3500 и 2400–2000 гг. до н. э. Согласно выкладкам Эвальда Шульдта, мегалиты возводились в течение 200 лет, что равняется смене 7–8 поколений¹¹. Памятники имеют разные формы: это дольмены, трапециевидные или прямоугольные каменные выкладки (до 36 м высотой) вокруг дольменов с гробницей внутри, каменные круги с гробницей в центре и так называемые «Wächtersteine» — крупные «сторожевые камни», находящиеся вне прямоугольника. Сооружения имеют ориентацию север–юг, вход в гробницу обычно располагается на юге (в двух — на севере); ориентация восток–запад встречается реже, но тоже возможна в эпоху неолита. В большинстве случаев гробницы были разграблены в древности или опустошены археологами XIX в. Многие рюгенские артефакты хранятся в музее Грайфсвальдского университета. В качестве погребальных даров выступают наконечники стрел, кремни, каменные орудия, фрагменты керамики, янтарные бусины, зачастую в форме двойной секиры. Каменные орудия на Рюгене находили в изобилии, но в результате варварских раскопок Нового времени и небрежного отношения краеведов к находкам многое было безвозвратно утрачено: например, в отношении мегалитического комплекса в Штубнице («сердце» древнейшего Рюгена) остались одни свидетельства историков о «красивых топорах».

Человеческие останки в таких гробницах сохранились крайне фрагментарно, и потому трудно установить изначальную индивидуальность или коллективность мегалитических погребений на Рюгене. Разумеется, если гробница изначально имеет всего две погребальные камеры (Ноббин, Виттов), то замысел погребения вполне ясен. Однако существовали коллективные (родовые?) усыпальницы: так, в мегалитической гробнице Герцогсграб («Герцогская гробница», полуостров Мёнхгут) в одном и том же слое обнаружены фрагменты останков от 38 до 40 человек. Это единственный хорошо сохранившийся (то есть мало разграбленный) мегалит, где обнаружены фрагменты керамики, по меньшей мере, 26 сосудов, 22 кремневых топора, 2 секиры из скальной породы, 3 кремневых резца, 56 наконечников стрел и многочисленные янтарные бусины¹².

Этот древнейший для Рюгена ландшафт со временем корректировался и «реинтерпретировался». Так, наряду с настоящими неолитическими гробницами (такими как Ноббин, Двазиден и др.), а часто и на основе старых мегалитов возникают

¹⁰ Schmidt I. Hünengrab und Opferstein. Bodendenkmale auf Insel Rügen. Rostock, 2001.

¹¹ Schuldt E. Steinzeitliche Grabmonumente der Insel Rügen. Museumskatalog. Schwerin, 1971.

¹² Ibid.

погребения бронзового века, где даже сохранились изделия из бронзы (ясторфская культура). Но здесь следует иметь в виду, что сам переход от неолита к бронзовому веку в Скандинавии был постепенным: металлические вещи входили в употребление при сохранении кремневых кинжалов, резцов, мелких кремневых ножей, скребков, резцов, наконечников стрел.

Рассмотрим эти погребения с точки зрения культовой преемственности. Семь мегалитов близ Ланкен-Границ (крупнейший комплекс из сохранившихся на Рюгене) представляют собой исконное неолитическое погребение. Ориентация восток–запад (гробница 1), север–юг (гробница 3)¹³, вход в обоих случаях с юга, в нижнем слое находятся каменные орудия, фрагменты керамики и янтарные бусины. Один из кремневых топоров двуострый, а янтарные бусины отшлифованы в виде двойного топора¹⁴. Это исключительно важный символ эпохи неолита и бронзового века, который в зависимости от конкретных археологических параллелей может трактоваться как матриархальный («лабрис» Крита), патриархально-героический (ср. особое соотнесение двуострого топора с критским героем — победителем в погребальных играх: «Илиада», XXIII, 855–856 и 883–884, а также роль мифологического персонажа с топором в петроглифах Скандинавии¹⁵) или символ власти в широком смысле.

В верхнем слое этого погребального комплекса представлены предметы эпохи ранней и поздней бронзы: фрагменты бронзовой иглы и бронзовой цепи. В других погребениях тех же мегалитов также обнаружены фрагменты изделий из бронзы (игла, цепь, перстень)¹⁶. В одном из мегалитов Ланкен-Границ (гробница 1) в эпоху бронзы совершили новое погребение и после этого основательно завалили вход камнями¹⁷.

Гробница близ Ноббина (полуостров Виттов) — единственная неолитическая гробница на Рюгене с двумя погребальными камерами. Там наряду с традиционным неолитическим инвентарем — каменными орудиями, фрагментами керамики и янтарными бусинами — находятся остатки урнового погребения V в. до н. э., то есть доримского железного века¹⁸. Сохранились фрагменты фибулы из железной проволоки и железного ножа. Этот погребальный комплекс каким-то образом почитался и в славянское время, поскольку там найдены также черепки славянской керамики и одна арабская монета IX в., что, по-видимому, являлось жертвенными дарами¹⁹.

Неолитическая гробница близ Нипмерова (полуостров Ясмунд) — единственная коридорная гробница (Ganggrab) на острове²⁰. В ней обнаружены фрагменты керамики, относящиеся к культуре воронковидных кубков, свыше 50 янтарных бусин (для рюгенских мегалитов это очень много), как и в комплексе Ланкен-Границ, отшлифованных в виде двойного топора. Позже, в бронзовом веке, над неолитическим погребением был насыпан курган. А в верхней части гробницы находятся два славянских погребения

¹³ Гробница 2 сильно повреждена.

¹⁴ Schmidt I. Hünengrab und Opferstein. S. 19–24.

¹⁵ О «боге топора» в скандинавских петроглифах эпохи бронзы см.: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 92.

¹⁶ Schmidt I. Hünengrab und Opferstein. S. 20–21.

¹⁷ Schuldt E. Die Großsteingräber von Lancken Granitz auf der Insel Rügen // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1971. Berlin, 1972. S. 36.

¹⁸ По Э. Шульдту и И. Шмидт, «vorrömische Eisenzeit». Для Европы в целом это латенская культура, для Южной и Северной Германии — ясторфская (см.: Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 100).

¹⁹ Schmidt I. Hünengrab und Opferstein. S. 12–13.

²⁰ Ibid. S. 14–16.

по обряду ингумации, причем располагаются они «на крыше» старого мегалита, над потолочными камнями. Ориентация этих погребений: восток–запад, головы ориентированы на восток. Погребальные дары — глиняная миска, по одному железному ножу при каждом скелете, ножны с бронзовыми накладками, один бронзовый нож, огниво, бронзовое кольцо и бритва²¹. Над славянскими погребениями также насыпали курган. Интересно, что весь многовековой погребальный комплекс в Нипмерове в итоге имеет ориентацию с востока на запад.

В другой неолитической гробнице (Клейн Стрезов) располагались славянские урновые погребения: 7 урн внутри мегалита²². В Швеции изредка отмечаются «впускные» скандинавские урны в курганы бронзового века²³, но на Рюгене раннесредневековые урновые погребения вошли в состав комплекса, относившегося к глубокой древности.

Все эти данные свидетельствуют о поразительной устойчивости сакрального ландшафта на Рюгене и мирной преемственности в этой области. Почитание древних святилищ вполне характерно для язычества. Принесение жертвенных даров само по себе не означает особого благорасположения к местному святилищу. Напротив, такой акт вполне можно истолковать как умиловивление неизвестных сил, возможно, враждебных. Но, как представляется, использование древнего погребального комплекса с эпохи неолита до Средних веков говорит о другом. Чужие мертвецы в древности воспринимались исключительно как враждебные. Однако на Рюгене в течение тысячелетий носители разных погребальных обрядов считали возможным использовать одни и те же погребальные комплексы. Соответственно, эти памятники не ощущались как чужие и враждебные. На этом основании можно предположить непрерывность заселения острова и преемственность традиции с древнейших времен. Разумеется, это не исключает исторически засвидетельствованных миграций и инфильтрации новых групп населения, но помещает эти процессы в особый контекст.

Культ Святовита. Святовит (Свентовит), верховный бог рюгенских славян, в своем историческом бытовании, известном по сообщениям Саксона Грамматика и Гельмольда Босауского (XII в.) и данным археологии, представляет собой ареальное славянское божество в условиях позднего, «экстремального» язычества²⁴. Ввиду этого и на фоне языческого политеизма Святовит, как правило, приравнивается ко всем прочим западнославянским божествам, и вопрос об индоевропейских основах славянской мифологии ставится без учета его культа. Однако есть все основания полагать, что образ Святовита является ареальной реализацией индоевропейской мифологемы верховного божества.

Статус Святовита как верховного божества отражен у Гельмольда: «Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший

²¹ Ibid. S. 16.

²² Schmidt I. Hünengrab und Opferstein. S. 24; о славянской погребальной обрядности на Рюгене см.: Warnke D. Slawische Berstattungssitten auf der Insel Rügen // Zeitschrift für Archäologie. 1979. Bd 13. S. 251–263.

²³ Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 110.

²⁴ Трубачев О. Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания (по поводу новой книги: Moszyński L. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlaus Verlag, 1992) // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 2. М., 2004. С. 423–441; Назаренко А. В. О язычестве эльбодерских славян // Религии мира: История и современность. М., 2002. С. 8–15.

в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов...»²⁵

Совокупность исторических свидетельств позволяет восстановить следующую мифологему. Святovit — муж с бородой и короткими волосами, в пурпурном плаще, видящий на все стороны света (ср. четыре лика идола), с рогом в правой руке, победоносный всадник на белом коне с большим мечом, клинок и ножны которого украшены серебром. Конь, узда, рог, меч, а также пурпур, золото и серебро как символы власти и богатства — атрибуты Святovита, составляющие материальную основу его культа. Узда и меч постоянно находились в святилище. Конь белой масти был неприкосновенен, считалось святотатством выдернуть хотя бы волосок из его гривы или хвоста, и один только жрец имел право за ним ухаживать и садиться на него. На этом коне Святovit, по мнению руян, вел войны против врагов своего святилища. Считалось особым знаком, если конь, стоя в ночное время в стойле, покрывался потом и глиной, будто проходил длинный путь. Поведение коня служило основой для гаданий. К «конской» символике Святovита относится также пурпурный конек на кровле святилища. Рог, сделанный из различных металлов, ежегодно наполнялся медом и по убыванию напитка жрец судил о будущем годе. У Святovита была своя боевая дружина, которая состояла из 300 всадников на отборных конях. Вся военная добыча дружины принадлежала Святovиту и передавалась жрецу. Эти вещи из драгоценных металлов шли на изготовление священных предметов и храмовых украшений, составлявших наряду с ветхими от времени пурпурными тканями закрытую храмовую сокровищницу — богатство Святovита.

Такой образ имеет все типологические признаки индоевропейского верховного божества: мужская сила и плодородие, атрибуты власти, оружие, культ коня, дружина. Ближайшие концептуальные параллели представлены в балтийской мифологии. Лит. Perkunas, прус. *Perkun(a)s, латыш. Perkons — всадник на огненном коне (или воин на колеснице, запряженной козлами; ср. здесь образы Тора и Перуна), его оружие — меч, бьющий молниями (а также более архаичные молот и топор), его постоянный атрибут — рог как символ власти и изобилия. Примечательное соответствие четырехликому Святovиту находим в литовской поговорке: «**Перкунас**ов четверо: восточный, западный, южный и северный».

Сведения о восточнославянском Перуне крайне скудны, поэтому прямое сопоставление Перуна и Святovита ограничивается констатацией наиболее общих соответствий (верховная власть, дружина, борьба громовержца с хтоническими существами). Из других ареальных индоевропейских параллелей следует отметить образ «Фракийского всадника» (Ἡρώς), который иногда изображался в виде бородастого всадника с полным рогом в правой руке²⁶.

Атрибуты громовержца у рюгенского Святovита не выражены эксплицитно. Однако мифология рюгенских славян известна нам лишь по весьма ограниченному сообщению информантов извне. Тематика индоевропейского основного мифа отражена в представлении о ночных выездах бога-всадника на битву с врагами святилища,

²⁵ Chron. slav. II, 12; *Гельмольд*. Славянская хроника / Пер. с лат. и примеч. Л. В. Разумовской. М., 1963. С. 236.

²⁶ *Толочко И. В.* Два мраморных рельефа из Танаиса // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 2000. С. 287–293.

а богато украшенный серебром меч, судя по аналогичным представлениям балтов, символизировал молнию.

Основа *svēt-* в теониме *Svētovitъ* восходит к и.-е. **kwent-* ‘набухание, возрастание’, ‘жизненная сила’, ‘святость’²⁷, что вполне соответствует представлениям руян о Святовите как подателе плодородия и благополучия. По наблюдению О. Н. Трубачева, имя *Святovit* следует толковать как субстантивированное прилагательное — ср. рус. *домовит, красовит* и т. д. (*ov-itъ* как показатель своего рода степени сравнения)²⁸.

Культ Святовита как гаранта миропорядка и подателя плодородия также имеет наглядные параллели в ареальной индоевропейской, а именно — аланской (индоиранской) традиции. Ежегодный праздничный пир в честь Святовита, проводившийся на Рюгене после сбора урожая, включал в себя жертвоприношение животных (что подтверждается данными раскопок на Арконе), принесение круглого медового пирога и обряд прятков-гаданий жреца, аналогичный восточнославянской обрядности жатвы, а также гадание о будущем годе по количеству меда в роге Святовита. Аналогичный ритуал полностью сохранился до наших дней в святилище *Хуыцауы дзуар* ‘святилище верховного божества Хуыцауы’ (ныне часто толкуется как ‘Божий святой’), находящемся на высоте 2 км к юго-востоку от селения Даргавс в Северной Осетии. Общинный праздник в *Хуыцауы дзуар* проводится в конце июля, *Хуыцауы дзуар* почитается как покровитель браков и податель чадородия. Семьи, у которых в течение года родились дети или была выдана замуж дочь, жертвуют ягненка или козленка и просят даровать здоровье и детям, и женщинам, а также умножить потомство (особенно просят о рождении мальчиков, продолжателей рода). Избранные мужчины во главе с хранителем святилища (*дзуары лагг*), всего семь человек, специально подготовленные (омовение, бритье, чистая или новая одежда), поднимаются к основному святилищу босиком и без головных уборов. В жертву приносятся мясо, три треугольных пирога и пиво (сакральный напиток), которые с песнопениями доставляются на вершину. Когда жертвователи возвращаются к общинному застолью, все встают, и старший из паломников сообщает, что случилось с пивом, оставленным в прошлом году²⁹.

После христианизации Рюгена топонимы, связанные с культом Святовита, были реинтерпретированы в связи с культом св. Вита. Для полуострова Wittow, на котором располагался храм Святовита, следует реконструировать исконную форму **Svētovitovъ* ‘Святовитов’ или **Svētovitovo* ‘Святовитово’. Топоним Vitt неподалеку от Арконы, а также название переправы Wittower Fähre также имеют прямое отношение к культу Святовита. Другие следы культа Святовита в топонимике Рюгена — славянские и позднейшие немецкие названия, связанные с обозначением «коня» и разведением лошадей: Kontop (пустошь; община Wiek; 1294 Conentop) < слав. *kon-* ‘конь’ + *top-* ‘топкое место, где увязали лошади’; Kabelow (пустошь; община Poseritz; 1294 Kablow) < слав. **kobyła* ‘кобыла’, Kubbelkow, Groß и Klein (община Sellen) < слав. **kobyła* ‘кобыла’, Rosengarten (местечки Garz, Schaprode, Zirkow) < нем. **ross-* ‘конь’ + *garten* ‘ограда, загон’. Группу «конских» топонимов на Рюгене следует соотносить с данными о развите коневодстве, которое, как свидетельствуют источники, имело культовый характер. Отразилось в топонимике Рюгена также медоварение, имевшее особое значение в

²⁷ Топоров В. Н. Из славянской языческой терминологии: Индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. М., 1989. С. 3–50.

²⁸ Трубачев О. Н. Мысли о дохристианской религии славян... С. 428.

²⁹ Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин: Краткий словарь. Владикавказ, 1994. С. 185–186.

культе Святовита: Medowe (Wiek; 1314 Medowe) < *medovъ ‘медовое’, Mölln-Medow (Sellen; 1376 Medowe) < *meln- ‘мельница’ + medovъ ‘медовое’.

Память о Святовите-всаднике вплоть до XIX в. сохранялась у нижненемецкого населения Рюгена в предании о являвшемся по ночам всаднике на прекрасном коне. Сбруя коня — из чистого серебра, стремяна — червонного золота, конь покрыт пеной, и тот, кто быстро осушит пену, получит золото и серебро. В отличие от Дикого Охотника, предания о котором также распространены на Рюгене, этот всадник не враждебен людям. Этот всадник, согласно поверьям, являлся у полуторакилометрового рва Mönchgraben (Монашеский ров), отделяющего полуостров Mönchgut (Монашеское владение) от остального Рюгена, то есть в изначальной зоне размежевания христианства и язычества. Германский (скандинавский и нижненемецкий) образ Дикого Охотника, сам по себе также являющийся ареальной реализацией индоевропейской мифологемы верховного божества, выступает в рюгенских легендах как в исконном виде, так и с некоторыми трансформациями под влиянием образа Святовита.

Рюгенская теократия. Сведения о социальной организации рюгенских славян мы черпаем из «Деяний датчан» Саксона Грамматика (XII в.) и «Славянской хроники» Гельмольда Босауского (XII в.). Отсутствие у этих авторов каких-либо легенд о происхождении рюгенского княжеского рода, тем более о династических распрах, можно истолковать двояко. На первый взгляд, внутренние дела славян просто не привлекали датского и нижненемецкого хрониста. С другой стороны, Саксон и Гельмольд зачастую вникают в мельчайшие детали политических взаимоотношений западнославянских племен. Потому есть основания полагать, что при родовом строе вопрос о власти у рюгенских славян осознавался иначе и, очевидно, не составлял проблемы. Но это не означает, что идеология и мифология власти вообще отсутствовали. Обращение к источникам показывает, что у рюгенских славян имелись вполне определенные представления о происхождении и основе власти.

По Гельмольду, руяне (раны, руны) «занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму. Жреца они почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда гадание покажет, а одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего, остальное же делят между собой»³⁰.

Идея сакральной основы могущества рюгенских славян отражена у Гельмольда всюду, где заходит речь о значении острова: руяне — «самое сильное среди славян племя, единственное, которое имеет короля [гex]. Без их решения не может быть совершено ни одно общественное дело. Их боятся так по причине особого расположения к ним богов или, скорее, идолов, которых они окружают гораздо большим почетом, чем другие славяне»³¹; «Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посы-

³⁰ Chron. Slav. I. 36; *Гельмольд. Славянская хроника...* С. 100.

³¹ По наблюдению Л. В. Разумовской в комментарии к «Славянской хронике», в этом контексте Гельмольд цитирует Адама Бременского («Деяния архиепископов Гамбургской церкви», IV, 1) (Chron. Slav. I. 20; *Гельмольд. Славянская хроника...* С. 37–38).

лали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят»³².

Таким образом, рюгенские славяне и их соседи осознавали свое государственное устройство как издревле установленную теократию. По сообщению Гельмольда, именно жрец, а не князь вел переговоры с князем ободритов Генрихом и торг о цене перемирия³³. Тем не менее, в рамках этой архаической модели намечались тенденции к «симфонии власти», так как рюгенский князь отнюдь не был беспомощным ставленником жрецов: «Князем же у руян был в это время благородный муж Яромир, который, услышав о почитании истинного Бога... с охотой принял крещение, приказывая всем своим также обновиться с ним через Святое Крещение... Он привлек... народ к обращению в новую веру отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким»³⁴. Основы княжеской власти на Рюгене были своеобразными: иногда могли править два брата вместе, иногда — отец и сын. Учитывая то, что первые документально известные князья Рюгена, Тетислав и Яромар, выступают именно как братский дуумвират, такое «соборное» оформление власти следует считать не признаком ослабления, но реликтом славянской древности и архаической рюгенской теократии. Только в новом феодальном скандинавском и нижненемецком окружении складывалось понятие о единоличной централизованной власти князя.

Какие подтверждения идеи о сакральной природе верховной власти можно найти в традиции рюгенских славян? Обратимся к автохтонной символике. Рельефы на поморских камнях, ранее считавшиеся изображениями Святовита, ныне убедительно интерпретируются как надгробные плиты рюгенских князей переходной эпохи (конец XII — начало XIII в.)³⁵. Между тем фигура, изображенная на этих рельефах, держит в руке рог для питья, известный как основной атрибут Святовита (рог с медом, раз в году наполняемый жрецом) — ср. камень из Альтенкирхена (Рюген) или сильно испорченный последующими переделками камень из Бергена (Рюген). Божество и князь объединены у поморян одним символом власти. Особое значение в этом свете приобретает история двух рогов для питья, принадлежавших померанскому герцогу Вартиславу V, наследнику поморских князей: в 1364 г. Вартислав своей рукой убил на охоте зубра и приказал оправить его огромные рога в серебро и золото. Один из рогов был пожалован церкви в Каммине, «дабы его сохраняли там, как святыню»³⁶, а другой остался в герцогском роду.

Другим важным символом сакральной власти является *станца* (поморск. *stanica) — знамя, находившееся в деревянной храмовой крепости Святовита на Арконе. Сообщение Саксона об этом знамени буквально вклинивается в обстоятельное описание осады Арконы 14–15 июня 1168 г.: «Между тем горожане загородили ворота крепости, чтобы их труднее было взять, огромными глыбами, собранными в груды, к тому же скрепив их дерном, и получили от своих трудов такую уверенность, что защищали башню, которая находилась над воротами, лишь посредством знамен и знаков [signis tantum aquilisque]. Между коими величиной и цветом выделялась *Станица*

³² Chron. slav. II. 12; Гельмольд. Славянская хроника... С. 236–237.

³³ Chron. slav. II. 12; Гельмольд. Славянская хроника... С. 104–105.

³⁴ Chron. Slav. II. 12; Гельмольд. Славянская хроника... С. 236.

³⁵ Holtz A. Die pommerschen Bildsteine // Baltische Studien. 1966. Bd 52. S. 7–30.

³⁶ Hering H. Das Trinkhorn Herzog Wartislav's V // Baltische Studien. 1832. Bd 1. S. 373.

[Stanitia], которая окружена таким поклонением народа рюанского, что обладала величием почти всех богов. Ибо неся ее перед собой, имели они позволение посягать на человеческое и божеское имущество, и ничто из того, что было им угодно, не было недозволенным: могли они опустошать города, низвергать алтари, уравнивать закон и беззаконие, разором и огнем разрушать все жилища Рюгена, и таково было допущение суеверия, что власть малого знамени превосходила царскую власть знатных мужей. И наказуемые воздавали тому знаку почести, словно божественному оружию [gestamen — ноша, оружие, украшение], воздавая за службу ущербом, за беззаконие повиновением»³⁷.

В словаре В. И. Даля значение слова *станница* определяется как ‘стая или стадо, табун, гурт, вереница, руно; однородные животные в сборе, во множестве, толпой; толпа, гурьба, ватага народу’ («Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу); Волки зимой станицами бродят. Гуси станицами летают. По осени я наткнулся на станицу змеиную»), тул. ‘притон, приют, стан, табор, становище общества, братства, ватаги, шайки, особенно казачье поселенье’, донск. стар. ‘посольство, депутация, выборные представители, по наряду’ («С Дону в Москву станица пришла»), ‘казачий отрядец, на какие делились казаки для исполнения службы’, тж. ‘один клирос, половина церковного хора, разряд певчих, по достоинству их’. *Станичник* — ‘казак’, у Кириши Данилова в значении ‘разбойник, член удалой вольницы, стана, шайки, притона воровского’, твер. бран. ‘буян, своевольник’³⁸. *Станица* на юге России — изначально отряд конной разведки, *станичники* — воины такого разведывательного отряда. Интересно, что слово *станичник* употреблялось у казаков также как вежливая форма обращения, в значении «господин», «пан»³⁹.

Все эти данные позволяют заключить, что славянская *станница* изначально представляла собой мужской сакральный боевой союз. У рюгенских славян он был освящен культом Святовита. Из сообщения Саксона Грамматика явствует, что такой союз (отряд) был наделен исключительными полномочиями — правом ведения священной войны под особым знаменем.

Каким был цвет рюгенской *станницы*? Саксон, бывший очевидцем событий или писавший со слов очевидцев, говорит, что знамя «выделялось цветом» (colore), из чего можно заключить, что оно было красным. Именно красным было знамя легендарной разбойницы Стины (< *Stana?), впоследствии действовавшей в Поморье, под Волином⁴⁰ (ср. в связи с этим *чърлень стяг* «Слова о полку Игореве» и красный боевой стяг Карла Великого). Помимо прагматики красного как опознавательного знака, это цвет войны и крови. Важно отметить еще одно значение: красный — цвет огня. Яловцы (значки) воинских шлемов в «Сказании о Мамаевом побоище» сравниваются с «пламенем огненным». В описании рюгенской станицы упоминается сожжение жилищ в ходе сакральной карательной вылазки. Временное упразднение профанных законов также подобно действию «очистительного огня». Потому в рюгенской станице следует видеть отражение индоевропейского культа священного огня, громовержца и боевой дружины. Наиболее полную генетическую параллель здесь представляет

³⁷ Gesta Dan. XIV, 39 (основное издание: *Olrik J., Ræder H. Saxonis Gesta Danorum*. Copenhagen, 1931–1957) (перевод наш. — *Н. Г.*).

³⁸ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980.

³⁹ Казачий исторический словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев, ред.-изд. А. И. Скрылов. Сан Ансельмо (Калифорния), 1970.

⁴⁰ *Haas A.* Arkona im Jahre 1168. Bergen auf Rügen, 1918. S. 51.

древнеиндийский Рудра (ср. др.-инд. *rudhirás* ‘красный’ < и.-е. **rudhro-* ‘красный’), образ-континуанта индоевропейского громовержца⁴¹, отец марутов, богов бури, священной дружины верховного божества.

Таким образом, согласно верованиям рюгенских славян, отраженным в хрониках, власть имела божественное происхождение и принадлежала верховному божеству. Реликты автохтонной символики позволяют реконструировать два типа сакральной власти, равно возводимых к Святовиту, но соотносящихся как своего рода «десница» и «шуйца»: мирная, «медовая» власть Святовита и князя (рог с медом: изобилие, плодородие, закон) и боевая «огненная» власть Святовитовой станицы (красный боевой стяг: гроза, разрушение, священное упразднение закона).

Война и бог войны. В традиционных представлениях о рюгенских славянах отмечаются две крайности. С одной стороны, руане считаются крайне воинственным народом, терроризировавшим соседей (набеги на побережье Дании и т. д.), с другой — падение язычества на Рюгене в 1168 г. нередко осмысливается как поражение славян ввиду их миролюбивого характера. В связи с этим возникает вопрос о подлинном месте войны в жизни рюгенских славян как в духовном, так и в материальном плане.

В свидетельствах памятников преобладают социокультурный и понятийный аспекты осмысления войны, поскольку хронисты XII в. (Гельмольд Босауский и Саксон Грамматик) при описании рюгенских славян уделяли большое внимание их верованиям как основе общественной организации. Воинственность руан в этих условиях особо подчеркивалась. Целенаправленную интерпретацию фактов у Гельмольда и Саксона можно видеть там, где подчеркивается упорство и кровожадность руан-язычников, совершающих жертвоприношения, в том числе и человеческие. Сами эти факты имели реальное основание: археологические раскопки на Арконе обнаружили многочисленные свидетельства ритуального убоя скота и человеческие останки со следами ритуальных повреждений⁴². Кроме того, в общем контексте негативной оценки рюгенского язычества поражает своей объективностью замечание Гельмольда: «Правда, обращению славян и других народов в веру с самого начала сильно мешали военные бури, поднятые нортманнами и свирепствовавшие почти во всем мире»⁴³. Данные археологии подтверждают эту трактовку: самое массовое и кровавое человеческое жертвоприношение на Рюгене было совершено при нападении викингов на славянский / полиэтнический торговый центр в Ральсвике (разрубленные останки мужчин и женщин, черепа собак и лошадей и кость с рунической надписью как свидетельства ритуальных действий)⁴⁴.

Оружие выступает в качестве символа власти Святовита и Руевита. Ср. свидетельства Саксона Грамматика о капище Святовита и идоле Руевита: «Неподалеку оттуда можно было видеть узду и седло и другие символы власти божества, достославность коего умножал поразительной величины меч, ножны и рукоять которого, помимо превосходной работы, отличало серебряное внешнее покрытие»; «...изготовленный из дуба идол, которого звали Ру(г)евит... на голове его купно размещались семь человеческих лиц / образов, которые все верхней частью срослись под одной макушкой.

⁴¹ Впоследствии Рудра стал одной из граней образа Шивы.

⁴² *Herrmann J.* Arkona auf Rügen... S. 201–206.

⁴³ *Chron. slav. I. 7; Гельмольд.* Славянская хроника... С. 46.

⁴⁴ *Herfert P.* Ralswiek: Ein frühgeschichtlicher Seehandelsplatz auf der Insel Rügen // *Greifswald-Stralsunder Jahrbuch.* 1972/1973. Bd 10. Weimar, 1973. S. 7–33.

А равно и столько же мечей с ножнами, подвешенных на одном поясе, художник присовокупил сбоку него, а восьмой он держал простертым в своей деснице. Меч тот наипрочнейшим образом прикреплялся железным гвоздем, и нельзя его было удалить иначе, как отсечением руки. Размеры его [идола] были более человеческого роста, так что Абсалон, лишь встав на цыпочки, сравнился с его подбородком своей секирой, которую всегда носил в руке. Сие божество, как они верили, было наделено силами Марса и предводительствовало в войнах»⁴⁵.

В крепости Каренце (Charenza)⁴⁶, где проводились съезды рюгенских князей и их дружин, находились идолы Руевита, Поревита и Поренута (< *Perunič 'Перунич'). Имя *Ru(j)evit не связано с топонимом «Рюген», и форма «Rugiaevithus» представляет собой ученую этимологию Саксона Грамматика. Западнославянский теоним *Ru(j)evit следует сопоставлять с др.-рус. *рюти* 'рычать, реветь', *рюень* 'сентябрь' как 'месяц рева (гона) оленей', представляет собой субстантивированное прилагательное с формантом *ov-itъ* (как в теониме Svętovitъ) и означает 'наделенный повышенной мужской силой'. Составляющими этого образно-понятийного комплекса являются мечи, дуб (дерево индоевропейского бога грома, боевой дружины и жизненной силы), указания на «силы Марса» у Саксона и мужской союз как опору культа. Восемь мечей, точнее, «семь и один» (ср. реализацию этой связки в восточнославянском ареале: «семь бед — один ответ», «семеро одного не ждут» и т. д.), сочетают в себе архаику фаллического символа и военные коннотации, уже не связанные с древней символикой плодородия.

Таким образом, рюгенский бог войны и дружины Руевит — образец славянского «языческого барокко» эпохи викингов на Балтике. Это не общеславянское божество, а отражение местных форм славянского языческого культа. Поэтому не случайно великий знаток славянства О. Н. Трубачев при обсуждении этой сферы обычно подчеркивал поздний и в целом узкоареальный, а не общеславянский характер материала⁴⁷. В наибольшей мере это относится к «специализированному» богу войны Руевиту.

Однако военное дело у рюгенских славян было поставлено хуже, чем у датчан. Епископ Абсалон, получивший образование в Париже, осаждал Аркону по всем правилам военной науки, тогда как защитники культовой крепости (осаждавшейся уже не впервые) не могли сравниться в этом с датчанами, хотя и обнаруживали хорошую реакцию. К примеру, когда был подожжен высокий деревянный палисад, защитники пытались тушить пламя молоком (но оно было слишком жирным, что лишь усиливало пожар)⁴⁸.

Таким образом, война занимала определенное место в жизни рюгенских славян и была одним из необходимых компонентов их языческого культа. Однако по сравнению со скандинавами-язычниками эпохи викингов и с феодальной военной организацией датчан XII в. рюгенские славяне проигрывали в военном деле. Их способы ведения войны оставались на архаической стадии.

Центры власти. На Рюгене, бесспорно, были свои центры власти, однако их статус и соотношение во многих аспектах требуют выяснения. Наиболее определенной представляется роль Арконы. Городище на крайней северо-восточной точке острова (мыс полуострова Виттов; слав. *Svętovitovo 'Святовитово') было храмовой (культовой)

⁴⁵ Gesta Dan. XIV, 39: 3, 39–40 (перевод наш. — Н. Г.).

⁴⁶ Гарц или, по новой версии, городище Венц близ Шапроде (обсуждение см. ниже).

⁴⁷ Трубачев О. Н. 1) Этногенез и культура... С. 417–420.

⁴⁸ См.: Gesta Dan. XIV. 39.

крепостью, межплеменной святыней западных славян-язычников и центром жреческой власти. Важным компонентом святилища была храмовая сокровищница; по свидетельствам хроник, в ней сосредоточился «золотой запас» Рюгена, а возможно, и соседних славянских племен. Роль святилища как символа власти на Южной Балтике подтверждается тем, что, по сообщению Саксона Грамматика, датский король Свен, будучи христианином, пожертвовал в сокровищницу золотой кубок. Очевидно, это был Свен III Грате, который в первой половине XII в. нуждался в поддержке своей власти⁴⁹. По данным археологии, Аркона не была постоянно обитаемым местом, славяне собирались туда на культовое празднество после сбора урожая. В ноябре неподалеку от Арконы устраивался сельдяной рынок⁵⁰, который, однако, не был крупным приморским центром дальней торговли. Скандинавский элемент в археологии Арконы не прослеживается.

В ходе археологических раскопок на Арконском мысу внутри славянского вала были обнаружены наконечники боевых стрел, четыре наконечника копий, рукоять меча, два умбона щита, один пластинчатый панцирь и заготовки топоров (последние, очевидно, на продажу)⁵¹. Даже с учетом осыпания мыса в море находки оружия нельзя назвать преобладающими — ножей, весов и т. п. гораздо больше: «Предметы торговли, войны и отправления культа в Арконе тесно связаны друг с другом, и это положение сохранялось до разрушения Арконы в 1168 г.»⁵² Развитое храмовое хозяйство Арконы включало в себя коневодство и медоварение, о чем свидетельствуют высокая доля овса в анализах пыльцы, отмечаемая археологами, и топонимы *Kontop*, *Medowe* на полуострове Виттов.

Аркона была центром верховного жреца Святовита на острове. Однако с упразднением культа вся эта архаическая структура должна была рухнуть, и поэтому с исчезновением старой религиозной элиты Аркона утратила свое исключительное значение.

По данным Саксона Грамматика, второй крупной храмовой крепостью была Каренца — святилище Руевита, Поревита и Поренута (Перунича). Именно в Каренце славянские князья и знать в июне 1168 г. приняли условия датчан и согласились креститься. Согласно традиционной точке зрения, Каренца — нынешний рюгенский Гарц. Рядом с этим городком действительно находится мощный славянский вал, однако топоним *Garz* происходит от славянского **Gardec* ‘городок’, ‘Городец’, в то время как название *Charenza* восходит к иному славянскому прототипу. Новейшие исследователи (Фред Рюххофт и др.) указывают, что, по сообщению Саксона Грамматика (очевидца событий), епископ Абсалон Роскильдский в июне 1168 г. в течение одного дня успел съездить верхом с Арконы в Каренцу и обратно, совершив там массовое крещение славян и основав три храма. Между тем передвижение такими темпами фактически неосуществимо. Поэтому, Рюххофт убедительно обосновал другую локализацию крепости — урочище Венц близ Шапрод с остатками мощных валов. В средневековых грамотах это место именовалось *Gharense*; именно там была дана грамота князя Вицлава I Штральзунду.

⁴⁹ *Berlekamp H.* Arkona und Rügen vor 1168 — Betrachtungen zum Quellenmaterial // 825 Jahre Christianisierung Rügens. Symposiumsberichte. Hrg. von K. Coblenz. Altenkirchen a. Rügen, 1993. S. 13.

⁵⁰ *Гельмольд.* Славянская хроника... С. 237.

⁵¹ *Herrmann J.* Arkona auf Rügen... S. 242–245.

⁵² *Херрман Й.* Ободриты, лютичи, руяне. С. 352.

Семь мечей на поясе идола, этимология имени *Rujevǫtʹ ‘обладающий повышенной мужской силой’ (ср. др.-рус. *рюень* ‘сентябрь’) и собрание князей с дружиной именно в этой крепости свидетельствуют о том, что святилище Руевита, в отличие от жреческой Арконы, было культовым центром княжеской дружины (ср. трехчастное деление индоевропейского общества). Утратив свой сакральный компонент, Каренца стала одной из княжеских крепостей (позднее — резиденций). Гарц — еще одна крепость этого типа, поскольку рюгенское княжество было «странствующим»⁵³.

Крепость Ругард на плато морены близ города Берген в своей ранней стадии (VIII–IX вв.) сходна с Каренцей и Гарцем. После IX в. городище сгорело, а в XII в. было восстановлено и укреплено. Такая эволюция связана с упрочением княжеской власти, которая, в отличие от жреческой, после датского завоевания получила мощный импульс развития⁵⁴. Рюген стал княжеством, отказавшись от жречества.

В шести километрах от Ругарда, вниз под гору, на берегу моря находится Ральсвик — самый крупный и детально исследованный приморский торговый центр эпохи викингов на Рюгене. Й. Херрманн, много лет посвятивший раскопкам в Ральсвике, определяет соотношение Ругарда и Ральсвика как «Мекленбурга и Рерика... Рюрикова городища и Новгорода»⁵⁵. Но приводимые им далее факты не подтверждают этого теоретического положения. Между Ругардом и Ральсвиком нет видимых материальных связей. Культурное многообразие приморских находок (славянская деревянная фигурка идола, кость с рунической надписью и три скандинавских «молота Тора», стержни-писала для записей на восковых табличках, бронзовые украшения из Прибалтики, «бобровая лапа» верхневолжского типа — финно-угорский амулет из глины) не распространяется на близлежащее славянское городище. В Ральсвике нет ни вала — маркера славянского городища и святилища, ни находок височных колец. Лодки из Ральсвика по своей конструкции отличаются от судов викингов и считаются славянскими. В целом, торговый центр в Ральсвике был местом взаимодействия разных этносов. Об этом говорят, в частности, следы человеческого жертвоприношения по скандинавскому типу, с собаками и лошадьми, и найденная рядом кость с рунической надписью.

Уникальный и до сих пор не замеченный пример локального рюгенского топонима, связанного с западнославянской мифологией власти, представляет собой название рюгенского местечка Krakow (Stakowe), которое традиционно возводят к слав. *krakъ ‘ворон’. Однако, согласно источникам, в рюгенском Кракове было священное место с курганом, где совершались языческие жертвоприношения. Полная аналогия — польский топоним Kraków, в основе которого лежит имя легендарного польского князя Krak (ср. имя чешского легендарного героя Krok). По преданию, после смерти Крака его похоронили в высоком кургане, и это дало начало городу Кракову. Рюгенское Krakow как священное место с курганом представляет собой поморскую реализацию той же западнославянской мифологемы.

Рассмотренные факты позволяют установить следующее соотношение центров власти на Рюгене. Аркона являлась культовой крепостью и центром религиозной элиты. Каренца и ранний Ругард также были культовыми крепостями, но представляли собой оплоты светской элиты. Поздний Ругард стал княжеской резиденцией,

⁵³ *Rüchhoff F.* Wie wir zur neuen Karenz-Theorie gekommen sind // *Baltische Studien*. 2008. Bd 94. S. 24.

⁵⁴ *Berlekamp H.* Arkona und Rügen... S. 13–14.

⁵⁵ *Herrmann J.* Ralswiek auf Rügen... S. 160.

возникшей в ходе укрепления светской власти славянской династии. Ральсвик существовал как независимое (вольное) славяно-скандинавское торговое поселение эпохи викингов, ориентированное на дальнюю торговлю, которое аккумулировало ценности профанного характера, но не оказывало прямого материального влияния на Ругард или иные центры власти. Пример архаического культового урочища с нереализованным потенциалом сакрального центра власти представлял собой рюгенский Краков.

Данные о статье

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 13-04-00024 «Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев».

Автор: Ганина, Наталия Александровна — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, доктор филологических наук, профессор, ganiina@philol.msu.ru

Заголовок: Тайны рюгенских славян

Резюме: Статья посвящена основным вопросам истории рюгенских славян. В работе обсуждаются следующие проблемы: заселение славянами Рюгена в конце VI – начале VII в. н. э., дославянское население острова (носители ясторфской культуры, восточные германцы — руги), проблема непрерывности местной традиции, отношение славян к древнейшим культовым памятникам и центрам Рюгена (мегалиты), представления рюгенских славян о власти, интерпретация образов верховного божества и бога войны и локализация основных центров сакральной и военной власти.

Исследование позволяет заключить, что славяне заселили Рюген вследствие ухода восточногерманского населения, причем есть основания предполагать мирное сосуществование остатков прежнего населения и славян. Непрерывность традиции наблюдается также в отношении славян к мегалитам как сакральным объектам и местам для погребений. Верховная власть на Рюгене осмыслялась как архаическая теократия, образ Святовита (Свентовита) представлял собой ареальную реализацию индоевропейской мифологемы верховного божества. Вместе с тем верования рюгенских славян являлись местной и поздней формой языческого культа. Основными центрами власти на Рюгене были Аркона (культовая крепость и центр религиозной элиты), Каренца и Ругард (культовые крепости, центры светской элиты). В ходе укрепления светской власти славянской династии после христианизации Рюгена Ругард приобрел статус основной княжеской резиденции. Локальный центр Ральсвик функционировал в IX–XII вв. как славяно-скандинавское торговое поселение эпохи викингов.

Ключевые слова: Рюген, западные славяне, восточногерманские племена, язычество, центры власти

Литература, использованная в статье

Дзадзие, Александр Борисович; Дзуцев, Хасан Владимирович; Караев, Солтан Михайлович. Этнография и мифология осетин: Краткий словарь. Владикавказ: Издательство Северо-кавказского горно-металлургического института, 1994. 282 с.

Лебедев, Глеб Сергеевич. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Санкт-Петербург: Евразия, 2005. 639 с.

Назаренко, Александр Васильевич. О язычестве эльбо-одерских славян // Религии мира: История и современность. Ежегодник. Москва, 2002. С. 8–15.

Толочко, Ирина Викторовна. Два мраморных рельефа из Танаиса // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. Сб. статей. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 287–293.

Топоров, Владимир Николаевич. Из славянской языческой терминологии: Индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. Москва, 1989. С. 3–50.

Трубачев, Олег Николаевич. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания (по поводу новой книги: L. Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlaus Verlag, 1992) // Трубачев, Олег Николаевич. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 423–441.

Трубачев, Олег Николаевич. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Москва: Наука, 2002. 488 с.

Херрман, Йохим. Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы. Москва: Прогресс, 1986. С. 338–405.

- Щукин, Марк Борисович. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 575 с.
- Berlekamp, Hansdieter. Arkona und Rügen vor 1168 – Betrachtungen zum Quellenmaterial // 825 Jahre Christianisierung Rügens. Symposiumsberichte. Hrsg. von K. Coblentz. Altenkirchen a. Rügen, 1993. S. 7–18.
- Haas, Alfred. Arkona im Jahre 1168. Bergen auf Rügen: Krohss, 1918. 54 s.
- Herfert, Peter. Ralswiek: Ein frühgeschichtlicher Seehandelsplatz auf der Insel Rügen // Greifswald-Stralsunder Jahrbuch. 1972/1973. Bd 10. Weimar, 1973. S. 7–33.
- Hering, Hermann Konrad Wilhelm. Das Trinkhorn Herzog Wartislav's V. // Baltische Studien. 1832. Bd 1. S. 372–379.
- Herrmann, Joachim. Arkona auf Rügen — Tempelburg und politisches Zentrum der Ranen vom 9. bis 12. Jahrhundert. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen 1969–1971 // Zeitschrift für Archäologie. 1974. Bd 8. S. 177–209.
- Holtz, Adalbert. Die pommerschen Bildsteine // Baltische Studien. 1966. Bd 52. S. 7–30.
- Rüchhoff, Fred. Wie wir zur neuen Karenz-Theorie gekommen sind // Baltische Studien. 2008. Bd 94. S. 9–27.
- Schmidt, Ingrid. Hünengrab und Opferstein. Bodendenkmale auf Insel Rügen. Rostock: Hinstorff, 2001. 102 s.
- Schmidt, Ingrid. Götter, Mythen und Bräuche von der Insel Rügen. Rostock: Hinstorff, 2002. 192 s.
- Schuldt, Ewald. Steinzeitliche Grabmonumente der Insel Rügen. Museumskatalog, Schwerin: Museum für Ur- und Frühgeschichte, 1971. 74 s.
- Schuldt, Ewald. Die Großsteingräber von Lancken Granitz auf der Insel Rügen // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1971. Berlin, 1972. S. 9–83.
- Warnke, Dieter. Slawische Bestattungssitten auf der Insel Rügen // Zeitschrift für Archäologie. 1979. Bd 13. S. 251–263.

Information about the article

Author: Ganina, Natalija Aleksandrovna — Moscow State University, Moscow, Russia, Doctor in Philology, Professor, ganina@philol.msu.ru

Title: Enigmas of the Rügen Slavs

Summary: The article concerns the basic questions of the history of the Rügen Slavs. The paper discusses the following issues: the settlement of the Rügen Slavs Rügen in the end of the 6th – the beginning of 7th century; population of the island before Slavic migration (Jastorf culture and the East Germans — Rugi); the problem of the continuity of local traditions; the attitude of the Slavs to the ancient religious monuments and centers of Rügen (megaliths); Rügen Slavs' idea of power; the interpretation of the images of the supreme deity and the god of war; localization of the main centers of sacred and military power.

The study allows us to conclude that the Slavs settled in Rügen after the leave of the East German population, and there are reasons to believe the peaceful coexistence of the old population and the newcomers — Slavs. The continuity of tradition is also observed in Slavs' relation to the megalithic sacred sites and places for burial. The supreme power in Rügen conceptualized as an archaic theocracy. The image of Svyatovit (Sventovit) was an area implementation of Indo-European myths of supreme God. However, the beliefs of Rügen Slavs were local and late forms of pagan worship. The main centers of power in the Rügen were Arkona (cult-center and the center of the religious elite), Karentsa and Rugard (cult-fortress and secular elite centers). In the course of strengthening the secular authorities, after the Christianization and strengthen of the Slavic dynasty Rugard acquired the status of the main princely residence. Local center Ralswiek functioned in the 9th–13th centuries was the Slavic-Scandinavian Viking trading settlement.

Keywords: Rügen, West Slavs, East Germanic tribes, heathendom, centers of power

References

- Berlekamp, Hansdieter. Arkona und Rügen vor 1168 — Betrachtungen zum Quellenmaterial, in Coblentz, K. (ed.). *825 Jahre Christianisierung Rügens. Symposiumsberichte*. Altenkirchen a. Rügen, 1993. P. 7–18.
- Dzadzize, Aleksandr Borisovich; Dzutsev, Khasan Vladimirovich; Karaev, Soltan Mikhaylovich. *Etnografiya i mifologiya osetin: Kratkiy slovar' [Ethnography and mythology of Ossetians. A short dictionary]*. Vladikavkaz: North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy Press, 1994. 282 p. (in Russian).
- Gubarev, G. V.; Skrylov, A. I. (eds). *Kazachiy istoricheskiy slovar' -spravochnik [The historical dictionary of Cossacks]*. San Anselmo (Kaliforniya), 1970. 754 p. (in Russian).
- Haas, Alfred. *Arkona im Jahre 1168*. Bergen auf Rügen: Krohss, 1918. 54 p.

- Herfert, Peter. Ralswiek: Ein frühgeschichtlicher Seehandelsplatz auf der Insel Rügen, in *Greifswald-Stralsunder Jahrbuch*. 1972/1973. Bd 10. Weimar, 1973. P. 7–33.
- Hering, Hermann Konrad Wilhelm. Das Trinkhorn Herzog Wartislaw's V., in *Baltische Studien*. 1832. Bd 1. P. 372–379.
- Herrmann, Joachim. Arkona auf Rügen — Tempelburg und politisches Zentrum der Ranen vom 9. bis 12. Jahrhundert. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen 1969–1971, in *Zeitschrift für Archäologie*. 1974. Bd 8. P. 177–209.
- Herrmann, Joachim. Obodrity, lyutichi, ruyane [Obodrity, Lutichi, Ruyane], in *Slavyane i skandinavyy*. Moscow: Progress Publ., 1986. P. 338–405 (in Russian).
- Holtz, Adalbert. Die pommerschen Bildsteine, in *Baltische Studien*. 1966. Bd 52. P. 7–30.
- Lebedev, Gleb Sergeevich. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi* [The Viking period in the Northern Europe and Rus']. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2005. 639 p. (in Russian).
- Nazarenko, Aleksandr Vasil'evich. O yazychestve elbo-oderskikh slavyan [About the paganism of Slavs in Elba and Oder Region], in *Religii mira: Istoriya i sovremennost'*. Yearbook. Moscow, 2002. P. 8–15 (in Russian).
- Razumovskaya L. V. (ed.). *Gelmold. Slavyanskaya khronika* [Gelmold. Slavic Chronicle]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1963. 299 c. (in Russian).
- Rüchhoff, Fred. Wie wir zur neuen Karenz-Theorie gekommen sind, in *Baltische Studien*. 2008. Bd 94. P. 9–27.
- Schmidt, Ingrid. *Hünengrab und Opferstein. Bodendenkmale auf Insel Rügen*. Rostock: Hinstorff Publ., 2001. 102 p.
- Schmidt, Ingrid. *Götter, Mythen und Bräuche von der Insel Rügen*. Rostock: Hinstorff, 2002. 192 p.
- Schuldt, Ewald. *Steinzeitliche Grabmonumente der Insel Rügen*. Museumskatalog, Schwerin: Museum für Ur- und Frühgeschichte Press, 1971. 74 p.
- Schuldt, Ewald. Die Großsteingräber von Lancken Granitz auf der Insel Rügen, in *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg*. Jahrbuch 1971. Berlin, 1972. P. 9–83.
- Shchukin, Mark Borisovich. *Gotskiy put': Goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura* [The route of Goths: Goth, Rome and Chernyachovo culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2005. 575 p. (in Russian).
- Tolochko, Irina Viktorovna. Dva mramornykh rel'efa iz Tanaisa [Two marble reliefs from Tanais], in *Zhertvoprinoshenie. Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney*. Sb. statey. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 2000. P. 287–293 (in Russian).
- Toporov, Vladimir Nikolaevich. Iz slavyanskoy yazycheskoy terminologii: Indoevropeyskie istoki i tendentsii razvitiya [From Slavic pagan terminology: Indo-European sources and tendencies of development], in *Etimologiya*. Moscow, 1989. P. 3–50 (in Russian).
- Trubachev, Oleg Nikolaevich. Mysli o dokhristianskoy religii slavyan v svete slavyanskogo yazykoznaniiya (po povodu novoy knigi: L. Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlaus Verlag, 1992) [Some thoughts about the Pre-Christian religion of Slavs in the light of Slavic linguistics], in Trubachev, Oleg Nikolaevich (ed.). *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura*. T. 2. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2004. P. 423–441 (in Russian).
- Trubachev, Oleg Nikolaevich. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of ancient Slavs. Linguistic investigations]. Moscow: Nauka Publ., 2002. 488 p. (in Russian).
- Warnke, Dieter. Slawische Berstattungssitten auf der Insel Rügen, in *Zeitschrift für Archäologie*. 1979. Bd 13. P. 251–263.